

© 1992 г. ШМАЛЬСТИГ В.Р.

**ПОЛОЖЕНИЕ ДРЕВНЕПРУССКОГО В КРУГУ СЕВЕРНОЙ ВЕТВИ
ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ: ОКОНЧАНИЕ НОМИНАТИВА-
АККУЗАТИВА СРЕДНЕГО РОДА ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА
КАК ИЗОГЛОССА, ОБЪЕДИНЯЮЩАЯ БАЛТИЙСКИЙ,
СЛАВЯНСКИЙ И ГЕРМАНСКИЙ**

В своей фундаментальной работе об и.-е. языках Гамкрелидзе и Иванов [1, с. 393—394] дали список грамматических особенностей (изоглосс), объединяющих различные группы и.-е. языков. Во-первых, это формы жен.р. на **-ā-*, **-ī*, **-ī̃*, объединяющие все и.-е. языки за исключением анатолийских; во-вторых, род.п. ед.ч. на **(o)siō*, объединяющий индоиранские, греческий и армянский, а также формы ед. и мн.ч. косвенных падежей на **-m*, объединяющие только балтийский, славянский и германский. Цель нашего исследования — показать, что существует и еще одна изоглосса, объединяющая балтийский, славянский и германский (и, может быть, языки нескольких других семей). Я полагаю, что в балтийском, славянском и германском им.-вин.п. ср.р. ед.ч. основ на *-o* оканчивался просто на *-o*, а не на *-om*, как это можно предположить на основе данных классических, индоиранских и анатолийских языков. Если это так, то тогда свидетельства древнепрусского являются решающими. Моя задача — дать новые объяснения всех древнепрусских форм им.-вин.п. ед.ч. на **an-* основ на *-o*.

Как хорошо известно, свидетельства о древнепрусском языке небогаты. В первую очередь это следующие источники: (1) Эльбингский словарь — немецко-древнепрусский словарь, включающий 802 вокабулы и являющийся частью Codex Neumannianus, датированного 1400 г. (возможно, это копия оригинала, составленного в XIV или конце XIII в.); этот словарь обычно рассматривается как воспроизводящий особенности помезанского диалекта (в настоящей статье каждой лексеме из Эльбингского словаря предшествует ее номер); (2) Словарь Симона Грунау (около 100 слов в его «Прусской хронике», написанной между 1517 и 1526 гг.; оригинал утерян, осталось несколько копий); (3) Первый и Второй Катехизисы, датированные ок. 1545 г., анонимные, и третий Катехизис (или Энхейридион), датированный ок. 1561 г. и переведенный с немецкого пастором Абелем Виллем (вероятно, с помощью носителя прусского языка Пауля Меготта). Кроме того, сюда же относятся топонимы, антропонимы и некоторые другие фрагментарные источники. И хотя древнепрусские свидетельства противоречивы, я попытаюсь несколько упорядочить их на основе данных из трех указанных Катехизисов и Эльбингского словаря (в большинстве случаев при ссылках на древнепрусский материал будут приводиться немецкие глоссы и затем перевод).

Проблема ср.р. основ на *-o* обсуждалась в [2, с. 85], где приведена следующая диаграмма соответствий (с ней я не согласен, что и будет продемонстрировано в статье):

- 1) др.-прусск. *(st)-a* : *(labb)-an* : *assar-an* «хорошее озеро»;
- 2) литов. **(t)-a* : *(māž)-a* : **(ežer)-* «маленькое озеро»;
- 3) ст.-слав. *(t)-o* : *(dobr)-o* : *(jezer)-o* «хорошее озеро».

Мажюлис пишет, что, вероятно, восточнобалтийская ситуация скорее аналогична славянской, чем древнепрусской. Наличие в восточнобалтийском флексии им.п. ед.ч. ср.р. *-a (а не *-an) подтверждается финскими заимствованиями: фин. *heinä* «сено» предполагает протобалтийскую форму **Zein-a* (муж.р. представлен в литов. *šiėnas*, лтш. *siens*) = руск. *сено*); фин. *silt-a* «мост» предполагает протобалт. форму **tilt-a* (замещенную формами муж.р. в литов. *tiltas* «мост», лтш. *tilts*). Однако конечное балт. -n сохранилось в таких финских заимствованиях, как *siemen* «семя» и *raimen* «пастух» [ср. др.-прусск. (256) *seten* «посев, семя» и литов. *pietuš, piemen-*]. Согласно Мажюлису [2, с.86], присоединение конечного -n у основ ср.р. на -o имело место уже в отдельных и.-е. языках. Вслед за Г. Хиртом [3] и В.М. Иллич-Свитычем [4] Мажюлис заключает, что в славянских баритонных существительных окончание ср.р. *-on дало (двор)-ь. Мажюлис считает, что -n не было в окситонных формах, например, (пер)-ó. В этом отношении, с точки зрения Мажюлиса, славянские языки более консервативны, чем древнепрусский, в котором конечное -n распространилось на формы ср.р. основ на -o. Тем не менее нет необходимости присоединяться здесь к мнению Хирта, Иллич-Свитыча и Мажюлиса, ибо существуют славянские имена ср.р. на -o с баритонным ударением, например, *лѣто, летá*, более старое *лѣта*, чакав. *рѣло* и т.д. [5, с. 82]. Проблема существительных ср.р. также обсуждается в [6].

Представленность ср.р. в древнепрусском является, однако, спорной. Й. Миккола [7, с. 4] писал, что в древнепрусском есть имена ср.р., но нет имен на -n. Он приводит такие примеры, как *pecki* «скот» из Первого Катехизиса и (392) *alu* «methe, медовая брага», *pani* [например, в (370) *panustaclan* «vuereysen, сталь для разжигания огня (?)»] из Эльбингского словаря. Миккола вслед за В. Томсенем [8, с. 206] утверждает, что форма *pani* корректна, так как мы находим ее в финском заимствовании *pani* «огонь». Нессельман [9, с. 471] писал: «... ни одно прусское слово в номинативе не оканчивается на n, напротив, n есть общее и исключительное окончание аккузатива. И мы можем заключить отсюда, что многочисленные слова Словаря, оканчивающиеся на -n, являются по происхождению аккузативными формами, которые в связи с аберрационной тенденцией языка заменили вышедшие из употребления формы номинатива». Миккола [7, с. 1], как было уже упомянуто, очень сомневается в существовании форм ср.р. на -an и отмечает, что в географически соседних языках — литовском и латышском — отсутствуют следы индоевропейского ср.р. на *-om. Но можно пойти и дальше. Из всех северных и.-е. языков (славянских, балтийских, германских) только древнепрусский, как представляется, может дать несомненное основание для реконструкции у основ на *o флексии им.-вин.п. ед.ч. ср.р. *-an. Я бы, однако, поддержал положение Микколы, что конечное *-n в древнепрусских основах на -o не является исконным.

Как отмечалось выше, есть все основания утверждать, что окончание им.-вин.п. ед.ч. ср.р. -a-основ на -o в восточнобалтийском, например, в литов. *šalta* «холодно», *táršti-a* «жарко», находит точную параллель в русских формах ср.р. *холодн-о* и *жарк-о*. Существенно, что в древнепрусском некоторые формы местоимений и прилагательных ср.р. могут быть как с конечным -n, так и без него. Ср. формы *wissa* и *wissan* в следующих контекстах: [10, с. 45, № 19] *Sta wissa wargē mien* «das alles ist mir leydt, все это меня огорчает»; [10, с. 67, № 14] *sta bei wissan sparts labban* «es war alles sehr gut, все было очень хорошо». Также, очевидно, существуют одновременно *sta* и *stan*, ср. *sta* в предшествующем контексте и *stan* в следующем: [10, с. 41, № 18] *Unds stan perarwisku ni segge* «Wasser thuts freilich nicht, вода действительно не делает это». Я рассматриваю формы без конечного -n как истинный ср.р. ед.ч., тогда как формы на -n восходят либо к муж., либо к жен.р. вин.п.

Нельзя согласиться и с положением о том, что так называемые наречия на -n представляют собой окаменевшую (fossilized) форму прилагательного

в им.-вин.п. ед.ч. ср.р. В своем исследовании древнепрussкого наречия О. Шопай [11, с. 161] пишет, что существует 106 примеров наречий на *-ai* (типа *ainawidai* «gleich, подобно») и только 17 примеров на *-n* (типа *ainawudan* тж.). За исключением *labban* «wol, хорошо», встретившегося дважды, остальные путативные наречия на *-n* зафиксированы только по одному разу. Например, известны три примера *ainawidai*, один пример *ainawijdei*, один пример *ainaweydi*, vs. один пример *ainawudan*; окончание *-ai* встречается в наречиях *uckalangwingiskai*, *uckalangwingiskai*, *uckcelangewingiskai*, *uckcelangewingiskai* «aufs entfältigste, проще всего» vs. один пример путативного наречия *ukalangewingiskan*. Шопай [11, с. 162] пишет, что во всех трех Катехизисах девять из этих 16 путативных на *-n* наречий находят соответствие в формах вин.п. прилагательных. Например, слово *mijlan* «lieb» один раз встречается в качестве путативного наречия, но семь раз — в качестве формы вин.п. ед.ч. муж.р. (пишется также *milan*). Шопай пишет: «Поскольку формы на *-ai* встречаются чаще, чем на *-n*, окончание *-n* засвидетельствовано только в Энхейридионе, очень вероятно, что *-n* — ошибочное написание вместо хорошо известного *-ai*... Можно с полным правом не принимать во внимание 16 слов в плохо переведенном тексте XVI в. как основание для установления общебалтийской морфологической категории — в данном случае категории наречий образа действия на *-n*» [11, с. 162].

Количество форм с основой на *-o*, которые можно классифицировать как ср.р., представляется в трех Катехизисах сравнительно небольшим. Р. Траутман [10, с. 315] пишет, что *buttan* «hues, дом» является им. или вин.п. в следующем контексте: (37, 13) *Wissan ka prei kermenēs maitāsnan prewerīsnan perlānkei kaigi stwi ast Ist Pout, Rukai, Kurpi Buttan Burwalkan Laukan Pecku Penningans...* «Alles, was zur Leybs narung unnd notturfft gehoert als Essen Trincken Kleyder Schuh Hauss Hoff Acker Vihe Gelt... Все, относящееся к потребностям тела, как еда, питье, одежда, обувь, дом, двор, поле, скот, деньги...». С моей точки зрения, это хороший пример смещения падежей, возникающего в ряде случаев в древнепрussком при перечислении. Очевидно, *Rukai* «одежда» и *Kurpi* «башмаки» могут рассматриваться только как номинативы [ср. литов. (им.п. мн.ч.) *kùprēs* «башмаки»], в то время как *Laukan* «поле» может быть только аккузативом ед.ч., ибо это слово засвидетельствовано в древнепрussком и в форме номинатива ед.ч. *laucks* (ср. литов. им.п., ед.ч. *laikas* «поле»). Упомянем также выражение *buttantaws* «Hausvater, отец семейства», первый элемент которого, видимо, стоит в им.п. ед.ч. ср.р. С другой стороны, форма *buttastaws* тж. встречается трижды, а ее первый элемент может рассматриваться как форма им.п. муж.р. ед.ч. или как форма род.п. муж. или ср.р. ед.ч., с тем же значением встречаются формы *butta tawas*, *butte tawas* и *butti tāws*. В связи с разнообразием форм первого элемента слова не представляется возможным придать большое значение единичному свидетельству формы *buttantaws*. Согласно Траутману [10, с. 312], наречная форма *bitai* «abends, вечером» — это форма дат.п. ед.ч. от **bitan*. Это слово встречается в вин.п. ед.ч. в следующем контексте из Первого Катехизиса [10, 7, 24]: *pho stan betten eden* «nach dem Abendmal, после вечерней еды».

Словосочетание явно с тем же значением (но с иным немецким переводом) встречается на той же странице, строка 18: *Assa Sakramentan bietis eden* «Vom Sacrament des Altars, о святилище алтаря (в вечернее время)». В этом последнем словосочетании имя *bietis* «вечером» явно стоит в род.п. ед.ч.

Траутман [10, с. 216] усматривает формы им.п. ед.ч. ср.р. в словах *gijwan*, *giwan*, встретившихся в словосочетании (49, 17—19): *kai noumas en Sacramenten etwerpsnā steison grikan gijwan bhe Deiwutiskai prastawidans wirdans dāts wirst* «das unns im Sacrament vergebung der Suenden Leben unnd Seligkeyt durch solches wort gegeben wirdt, ведь нам в святилище прощение грехов, жизнь и спасение через слово даны будут»; (51, 20) *kai tebbei wissa maia segisna bhe giwan podingai* «Das dir alle mein thun unnd leben gefallen, чтобы тебе нравились моя деятель-

ность и жизнь». Я приписываю оба примера недоразумению либо со стороны древнепрусского информанта, либо со стороны самого переводчика Абеля Вилля, так как подобные формы имени ср.р. *giwan* встречаются только в Третьем Катехизисе; у них нет соответствий мужского рода в литовском и латышском. Кроме того, во всех трех древнепрусских катехизисах представлены и другие формы со значением «жизнь», а именно формы им.п. ед.ч. *giwei*, род.п. ед.ч. *gijwis*, вин.п. ед.ч. *gijwin*, *geiwin*, *geywiēn*, полностью соответствующие фонологически и семантически лтш. *dzīve*. В литовском академическом словаре (т. III, с. 370) приводится диалектная форма *gyvė*, которая также соответствует др.-прусск. *giwei* и лтш. *dzīve*. Прилагательные с основой на -o (литов. *gyvas*, лтш. *dzīvs* «живой») хорошо документированы и точно соответствуют древнепрусскому прилагательному, представленному в формах вин.п. мн.ч. *gijwans*, *geiwans*, *geywans*, *geiwans*, но нет соответствующего имени со значением «жизнь» в литовском и латышском. Траутман пишет, что др.-прусск. *testamentan* (I) и *testamenten* (II) — слова среднего рода, но мне представляется, что их можно трактовать именно как заимствования, тем более, что в Третьем Катехизисе мы находим форму *testaments* — явную форму им.п. мн.ч. муж.р.

Траутман [10, с. 392] допускает, что *decku* «скот» и *peckan* тж. — вин.п. ср.р. Но последняя форма встречается лишь дважды: один раз в словосочетании (27, 26—27) *Tu niturri pallapsitwei twaise Tawischas Gannan Waikan Mergan Peckan* «Du sollst nicht begeren deines Nechstes Weib Knecht Magt Vieh... Ты не должен желать ни жены ближнего своего, ни сына его, ни служанки, ни скота его», другой раз — несколькими строками ниже — (27, 31—33) *kai mes... noušmu tawischan ni swaian gennan seiminan adder peckan aupaickēmai auschapāndimai adder enwertinnewingi teckinnimai* «das wir... unserm Nechsten sein Weib Gesinde oder Viehe nicht abspannen abdringen oder abwendig machen, чтобы мы не отбирали, не соблазняли и не переманивали ни жену, ни домашних слуг, ни скот нашего ближнего». Заметим, что в обоих словосочетаниях слово *peckan* — последнее в группе слов, оканчивающихся на показатель вин.п. ед.ч. -an. Я думаю, что переводчик (Абель Вилль), которому было привычно окончание -an, просто присоединил его к корню *peck-*, поставил его в один ряд с предшествующими словами. Во всех других местах, где встречается это слово, мы находим форму *pecku*, которую Траутман [10, с. 392] определяет как вин.п. ед.ч. ср.р., а Мажюлис [2, с. 272] в выражении *stesmu pecku* «Dem Vihe, этому скоту» — как дат.п. ед.ч. Казлаускас [12, с. 228] считает, что форма *peckan* представляет собой результат перехода изначальной основы на -и в основу на *-о. Я могу присоединиться к этому с той поправкой, что это — ошибка переводчика.

Г. Нессельман [13, с. 55] писал, что древнепрусский находился в стадии исчезновения всех падежных окончаний и использовал окончания генитива и датива лишь в случаях, когда не было других способов выразить эти падежи. Если же это можно было сделать иначе, т.е. если имелся определенный артикль, местоимение или предлог, которые могли удовлетворительно выразить синтаксис имени, то использовался только аккузатив на -n или -ls. Соответственно, если ряд слов стоял в одном и том же падеже, то только первое из них имело свое падежное окончание, а остальные оканчивались только на -n, -ls. В доказательство этого Нессельман приводил следующие примеры: *Dāiti stesmu Keiserin ka steisei Keiserin* «Gebet dem Keyser was des Keyser ist, воздайте кесарю кесарево». Согласно Нессельману, первое *Keiserin* — не датив, а второе — не генитив. В обоих случаях это — аккузатив, причем рассматриваемое слово не имеет флексий датива или аккузатива, так как артикль *stesmu* достаточен для выражения датива, а артикль *steisei* — генитива. Ср. еще пример: *en wirdemmans dilans bhe pomijrisnans* «inn wortten wercken und gedancken, в словах, делах и мыслях». Согласно Нессельману [13, с. 56], в *wirdemmans* представлено корректное дативное окончание, поэтому нет необходимости в дативной флексии в последующих *dilans* и *pomijrisnans*. Нессельман далее пишет [13, с. 57],

что его теория не противоречит тому обстоятельству, что корректные падежные окончания встречаются там, где можно было бы ожидать аккумулятив, например, *en wissai nautei* «inn allen Noethen, во всех нуждах». Нессельман отмечает [13, с. 58], что замена аккумулятивным окончанием генитивного и дативного есть первая ступень исчезновения окончаний, и если бы древнепрусский просуществовал еще несколько столетий, то он мог бы уподобиться современным романским языкам, где склонение выражается только с помощью предлогов. Я согласен с Нессельманом насчет смещения падежей, но я это связываю не с древнепрусским языком, а с немецкоязычными переводчиками, которые по-словно переводили текст, полученный от древнепрусских информантов. Подобный перевод дает случайные результаты, смесь грамматически правильных и неправильных форм.

Все это настолько очевидно, что вряд ли можно представить себе, что кто-то усомнится в этом. Вполне обычны ситуации, когда носитель русского языка слушает говорящего по-русски немца, который изъясняется вполне понятно, мало обращает внимания на правильность грамматических окончаний или выбора слов. Некоторые примеры этого хорошо известны из русской литературы даже иностранцам, каковым я являюсь. Так, в «Преступлении и наказании» Достоевского Амалия Ивановна говорит: «Тех дам приглашаль, но что те дам не пришлоль, потому что те дам благородный дам и не могут пришлоль к неблагородный дам». В «Детстве» Толстого мы встречаемся с отчетом Карла Ивановича: «Для детей два удочка — 70 копеек. Цветной бумага, золотой коемочка, клестир и болван для корбочка, в подарках 6 р. 55 к. Книга и лук, подарка детям — 3 р. 16 к. ...». В чеховском «Ионыче» находим записку, которую Туркин получил от немца — управляющего его имением: «... испортились все запираательства и обвалилась застенчивость». Мне кажется, что мы не можем быть до конца уверены в том, что пруссы хорошо понимали, что хочет сказать немецкий пастор. А. Сабальяускас [14, с. 100] упоминает о том, что в сочинениях Георга Манцелиса мы находим историю о латышском крестьянине, который, прослушав проповедь, произнесенную на ломаном латышском, пожал плечами и сказал: «Кто знает, что говорит этот немецкий кот?». Я думаю, что нельзя ожидать большего и от немецкой передачи древнепрусского языка.

Возникает вопрос, имеются ли в Эльбингском словаре слова ср.р. на -л в им./вин.п. или же это — формы вин.п. ед.ч. муж. или жен.р. Другими словами, мы должны выяснить, представлены ли все слова Эльбингского словаря в номинативе или же нет. Миккола [7, с. 3] сравнивает Эльбингский словарь с полабским словарем Парума Шульце, в котором мы находим такие аккумулятивные формы, как *breitung* «Mütze», *korvung* «Kuh», *dumpung*, *tumpung* «Taufe», *mohtung* «Mass», и такие генитивные формы, как *medäu* «Hönig». Миккола предположил, что такие слова Эльбингского словаря, как (345) *kalso* «vlade, блин», (401) *sticlo* «glas, стекло», суть партитивные генитивы. Левин [15, с. 54] отклоняет эту последнюю интерпретацию на двух основаниях: «Во-первых, из позиции этого слова в Эльбингском словаре между *kragis* (Эльб. 402 "кружка") и *kiosi* (Эльб. 402 "бокал") очевидно, что *sticlo* — это емкость, следовательно, "стакан", а не материал. Значит, партитивный генитив здесь немотивирован. Во-вторых, вообще сомнительно, чтобы -o было флексией генитива ед.ч. Конечно, окончание основ на -o, засвидетельствованное в поздних памятниках — -as, — может быть инновацией, но форма *silkas* в такой же мере может быть генитивом, как и *sticlo*..., и только одна из этих форм может быть окончанием генитива основ на -o». О позиции *sticlo* я бы сказал, что автор словаря, безусловно, понимал «стекло» как емкость, а не как материал. Но если у него был древнепрусский информант, то обязательно ли он понимал, какого значения ждет от него собеседник?

Левин [15, с. 52] пишет: «... нет четких, несомненных примеров других падежей, стоящих вместо номинатива в Эльбингском словаре». Я сомневаюсь,

чтобы какой-либо древнепрусский пример вообще мог быть четким и несомненным, но мне кажется, что ряд сомнительных примеров обнаруживает иные падежи, чем номинатив. Имя (80) *agins* «оуге, глаза» следует читать как **akins*, согласно Мажюлису [16, с. 49], который далее отмечает, что исправления Бернекера [17, с. 267] и Буги [18, с. 49] — *agins* на **akins* и (83) *ausins* «оге, ухо» на **ausnis* противоречат данным Третьего Катехизиса и фактам литовского и латышского языков. На тех же основаниях нельзя присоединиться к мнению Траутмана [10, с. 240, 296] о том, что др.-прусск. **akins* и *ausins* суть варианты основы на -*n*. Согласно Мажюлису, Миккола [7, с. 7] более обоснованно предположил, что это формы вин.п. мн.ч. Ту же точку зрения находим у В.Н. Топорова [19, I, с. 57]. Вообще, если в Эльбингском словаре может встречаться вин.п. мн.ч., то нет оснований отрицать возможности использования и вин.п. ед.ч.

Левин [15, с. 54] пишет, что в Эльбингском словаре имеется четыре заимствования из славянского. С его точки зрения, два из них представлены ср.р. основ на -*o*: (796) *mestan* «stat, город» и (266) *prassan* «herse, просо»; одно представлено муж.р. (383) *piwis* «bier, пиво» и одно — основой на -*ā*: (401) *sticlo* «glas, стакан». Траутман [10, с. 462] и Эндзелин [20, с. 274] считают, что (390) *winis* «wun, вино» заимствовано из немецкого, а Милевский [21, с. 31] рассматривал это слово как заимствование из польск. *wino*. Левин [15, с. 54] пишет, что, хотя соответствие по среднему роду в двух из четырех заимствований существенно, странно, что вообще существуют какие-либо соответствия. Я согласен с Левином в том, что ассоциация, основанная на морфологическом сравнении, согласно которому славянские существительные ср.р. были восприняты именно в этом качестве и затем заимствованы в прусский, представляется сомнительной в связи с малой вероятностью подобного билингвизма. В случае с *prassan* есть вероятность, подмеченная и Левином, что это — родственное славянскому, а не заимствованное слово. Фасмер [22, II, с. 443] рассматривает дальнейшие связи с лат. *porrum*, греч. κρόσον «лук» как недостоверные.

С моей точки зрения, др.-прусск. (256) *seten* «семя, посев», вполне вероятно, представляет собой форму им.-вин.п. ср.р. ед.ч. *n*-основы. Ср. литов. (им.п. мн.ч.) *sėtenus* «льняное семя», ст.-литов. им.п. ед.ч. *setuid*, церк.-слав. сѣма, лат. *sēten* и т.д. Называют также финское заимствование *siemen*, эстонское *sēmen* [23, с. 774]. Миккола [7, с. 9] упоминает также слово из словаря Симона Грунау *gnabsem* и пишет, что эта форма предполагает форму им.п. ед.ч. *sete*, вин.п. ед.ч. от которой будет *seten*, именно эта форма представлена в Эльбингском словаре. В данном вопросе я не согласен с Микколой. Мы приводили уже формы основ на -*i* ср.р. без всякой флексии; так почему же нельзя определить форму (256) *seten* с конечным согласным как форму ср.р. ед.ч. без окончания?

Далее я хотел бы продолжить обсуждение тех слов с окончанием -*n* из Эльбингского словаря, которые имеют непосредственное отношение к рассматриваемой проблеме. В своем этимологическом древнепрусском словаре Мажюлис [16, с. 344—345] пишет о (464) *gelatynan* «gel, желтый», что ни форма, ни род этого слова до сих пор не объяснены. Согласно Мажюлису, это — прилагательное им.п. ед.ч. ср.р., используемое в качестве наречия; иными словами, **geltainan* здесь — наречие с основой на -*o*, такое же, как др.-прусск. *ainavidan*, встречающееся в Третьем Катехизисе. Немецкое слово *gel* может означать и «geltonas, желтый» (прилагательное), и «geltonai, желто». По мнению Мажюлиса, прусский переводчик (информант) для передачи адвербиального значения использовал форму ср.р. прилагательного. С точки зрения Мажюлиса, все слова, обозначающие цвет (с № 460 по № 468) должны быть проанализированы таким же образом. В Эльбингском словаре есть только одно реальное цветное прилагательное, а именно (459) *gaylis* «белый», которое переведено немецким «wues», что должно пониматься скорее как «baltas, белый», чем как «baltai,

бело», так как это слово непосредственно следует за существительным *woaltis* «еле, крыло». Другие же цветовые прилагательные, которые, видимо, должны анализироваться подобным же образом, следующие: (460) *kirsnan* «schwarz, черный», (461) *sywan* «grow, серый», (462) *golimban* «blow, синий», (463) *wormyan* «Rot, красный», (465) *cucan* «brun, коричневый» (согласно [24, с. 307], следует читать как /kunkan/); (466) *maysotan* «gemenet, пестрый», (467) *roaban* «gestreift, полосатый», (468) *saligan* «grüne, зеленый». Но у меня возникает вопрос: откуда нам известно, что **ainavidan* — это наречие в Третьем Катехизисе? Выше было показано, что это слово вполне может быть формой вин.п. муж. или жен.р. ед.ч. прилагательного, возникшей в результате непонимания информанта (Павла Меготта?).

Следующие семь слов из Эльбингского словаря означают животных, преимущественно детенышей с суф. *-ista* < *-isija-*, который можно сопоставить с литов. *-iščia-*, ср. [19, I, с. 72]. Все эти слова стоят скорее в вин.п. ед.ч. муж.р., чем в им.п. ед.ч. ср.р.; (674) *werstian* «kalb, теленок» (Лескин [25, с. 583] и Скарджюс [26, с. 332] считают, что это слово происходит из более древнего **versistjan* = литов. **veřšiščias*); (677) *wolistian* «czickel, козленок» (обычно исправляется на *wosistian* благодаря очевидно родственным литов. *ožys*, лтш. *āzis* «козел»); (678) *camstian* «schoff, овца»; (681) *eristian* «lam, ягненок». Мажюлис [16, с. 284] говорит, что это слово — производное от *(*i*)*ērist'an* < *jēristjan*, т.е. от др.-прусск. *iēra-* с суф. *-istjan*; он сравнивает с этим литов. диалектное *ēr-isčias*); (682) *swintian* «swin, свинья» (Эндзелин [20, с. 260] говорит, что эта форма — результат ошибки переписчика или же диссимилиации: **swinstian* < **swinistian*, ср. *parstian*, *werstian*, *gestian*). Милевский [21, с. 23] предположил поморанское происхождение данного слова и сравнил его с родственным кашубским *swinč* тж. По Милевскому, *t* вместо *č* в *swintian* появилось под влиянием *prastian*. Но мне представляется, что /t'/ — это обычный способ передачи /č/, если в языке отсутствует такая фонема; (686) *prastian* «Ferkel, молочный поросенок» (видимо, следует исправить на *parstian*); (765) *gertistian* «kuechel, цыпленок» с тем же суф. *-istian*, что и в (681) *eristian*, ср. [16, с. 356].

Другие слова из Эльбингского словаря на *-an*, несомненно относящиеся к ср.р. и имеющие и.-е. параллели, следующие: (133) *instran* «smer, свиные внутренности». Траутман [10, с. 346] сравнивает его с ср.-н.-нем. *inster* «внутренности зарезанного животного», но то, что в ср.-н.-нем. это слово — ср.р., едва ли имеет какое-либо значение для древнепрусского. Буга [18, с. 71, примеч. 1] предполагает для этого слова балтийское происхождение и сравнивает его с литов. *įščios*, лтш. *iekšas* «внутренности»; (60) *assaran* «озеро» сопоставимо с литов. *ėžeras*, диал. *ažeras*, лтш. *ežers*, церк.-слав. *jezero*, русск. *озеро*. Мажюлис [16, с. 104] подчеркивает, что это имя представлено в формах *asere*, *azar*, *asore*, *asir*, в названии болота *Azara*, в названиях озер *Preyd-azare*, *Ring-azer*. Это слово, видимо, является одним из самых достоверных свидетельств существования форм ср.р. основ на *-o* в древнепрусском, что особенно наглядно на фоне славянских параллелей. Но и этот аргумент неоднозначен, так как данное слово известно в славянском и в муж.р. К примеру, Фасмер [22, II, с. 257] упоминает русск. диалектн. *озер*, церк.-слав. *jezero* и *jezerь*, словен. *ježero*, *jězero*, *jězer*, *jězera*. Ср. еще в.-луж. *jezor* и н.-луж. *jazor*; (98) *laygnan* «wange, щека» связывается Траутманом [10, с. 367] с др.-ирл. *lecco* «щека» < **liknōn* и церк.-слав. *лице* «facies, figura, persona», чеш. *lice* «щека, лицо». Но прусское слово слишком сильно отличается от церковнославянского, чтобы с уверенностью можно было идентифицировать родовую принадлежность.

(217) *creslan* «barkenstul, кресло» рассматривается Брюкнером [27, с. 496] и Милевским [21, с. 32] как заимствование из польск. *krzesło*; (245) *pedan* «schar, лемех плуга» Френкель [23, с. 561—562] связывает с литов. *pedà* (диалектн. *pėdas*) «пядь, фут (как мера длины)», и с и.-е. корнем со значением «нога»: ср. лат. *pes* и т.д., а Траутман [10, с. 215, 391] — с греч. πῆδόν «лопасть весла»;

однако греческий пример мне представляется слишком далеким, чтобы можно было сделать какое-либо заключение на его основании; (266) *prassan* «herse, просо» обсуждалось выше; (295) *kelan* «gat, колесо», конечно, родственно славянскому имени ср.р. *коло*, но Эндзелин [20, с. 191] сравнивал его с лтш. *ducele* «двухколесная повозка», которое предполагает основу жен.р. для второго элемента *-cele*. Иными словами, ср.р. не подтвержден в западнобалтийском; (321) *malunakelan* «moelrat, мельничное колесо» со вторым элементом *-kelan*, таким же, как в (295); (381) *laitian* «wurst, колбаса». Левин [15, с. 102] предлагает читать *laitan* с *l* вм. *i*, *i* вм. *l*, *t* вм. *i* и *i* вм. *t*. Все это — типичные ошибки Эльбингского словаря. Вероятно, это слово — заимствование из польск. *jalito* «внутренности»; (421) *staytan* «schilt, щит» Нессельман [28, с. 175] сравнивал с церк.-слав. *umtumъ*, русск. *щум* и т.д. Брюкнер предполагал заимствование из польск. *szczyt* [27, с. 499]. Траутман [10, с. 435] предложил чтение *scautan* и сравнивал с лат. *scutum*, аналогично — Эндзелин [20, с. 248], сопоставивший слово и с др.-ирл. *sciath*, лтш. *skida*, литов. *skidas*. Френкель [23, с. 805] привлек для сравнения и литов. *skiētas*, лтш. *škiets* «ткацкий станок». С моей точки зрения, наличие несомненно родственного лат. *scūtum* не может доказать наличия ср.р. в древнепрусском; для этимологии Траутмана необходимо принять во внимание, во-первых, орфографическую ошибку в древнепрусском, а во-вторых — необъясненное различие в вокализме между латышским и древнепрусским; (422) *kelian* «spet, копье». Топоров [19, с. 307] упоминает греч. κηλον, κηλεον «стрела», ср. скр. *śalyam* «острие стрелы»; греческие и санскритские параллели представляются слишком неточными для правильного установления исконного рода; (438) *maldian* «vole, жеребенок». Бурда [29, с. 405] сравнивает окончание с греч. суф. *-ion* в παιδίον «маленький ребенок». И. Шмидт [30, с. 508] связывает древнепрусское слово с церк.-слав. *млада*. Значит, *maldian*, вероятно, является основой на **-n* (или **-ni-ʔ*) ср.р. или вин.п. муж.р. ед.ч. Славянский аналог делает убедительным первое предположение; (471) *schutuan* «zwign, нить» Траутман [10, с. 422] сравнивал с русск. *шумво*.

(536) *dalpian* «durchschlag, сверло, долото» естественно сравнить с литов. *dálba-* «сверло», русск. *долото*, польск. *dłoto*, русск. *долбить* [19, I, с. 289—290]; (644) *lunkan* «лыко» рассматривается Траутманом [10, с. 373] как ср.р., а Френкель [23, с. 390] сравнивает это слово с литов. *lūnkas*, лтш. *lūks*, слав. *лыко*. Миккола [7, с. 8] предположил, что это — вин.п. ед.ч. от того же слова, которое представлено в качестве второго элемента в (623) *stanulonx* «kellershals, растение волчье лыко (Daphne mezereum L.)»; (687) *dadan* «milch, молоко», согласно Топорову [19, I, с. 284], есть им.п. ср.р. ед.ч. и сравнивается с др.-инд. *dadhi* «кислое молоко», тогда как Семеренья [31, с. 181] против этой этимологии и предполагает заимствование из германского, ср. гот. *daddjan* «сосать». Мажюлис [16, с. 172], однако, считает, что нет оснований предполагать здесь заимствование из готского. Если прусское слово относится к основам на *-o* ср.р., то необходимо разъяснить различия в основах между древнепрусскими и древнеиндийскими словами. Если же рассматривать прусскую форму *dadan* как *n*-основу, то это ничего не меняет в наших аргументах относительно ср.р. основ на *-o*. Пирсон [32, с. 579] полагает, что это слово связано с литов. *dūoti* «давать», т.е. молоко есть то, что дает корова. Это выглядит убедительным, поскольку мы говорим «корова дает молоко». Если это сопоставление верно, следует отбросить связь с др.-инд. *dadhi*; (690) *rustandadan* «suwermilch, кислое молоко»: первый элемент согласован со вторым, но оба могут быть как аккумулятивами муж.р. ед.ч., так и номинативами ср.р. ед.ч.; (796) *mestan* «stat, город» обсуждалось выше.

Но хотя существуют параллели ср.р. в и.-е. языках, это не может быть доказательством того, что в прусском существовал ср.р. Если основы на *-o* обнаруживают те же черты, что в литовском и латышском, то они должны были бы перейти в муж.р. с аккумулятивом ед.ч. на *-an*.

Это можно сказать о (527) *alwis* «bleu, свинец», которое сопоставимо с литов. *dīvas, alavas* «олово»: оно относится к муж.р. в древнепрусском, но к ср.р. в славянском (ср. русск. *слово*).

Слова из Эльбингского словаря на *-an, у которых нет однокоренных и.-е. форм ср.р. и которые, следовательно, нет оснований рассматривать как формы ср.р., суть следующие: (6) *paucoran* «sebengest'ne, Пляядь». Здесь невозможно найти родственные слова, и род остается неясен; (9) *wirjan* «wulken, облако». Эндзелин [20, с. 277—278] сравнивал с этим литов. *upė* «река» и — в семантическом отношении — валл. *nudd-* «туман» при др.-ирл. *snuadh* «река»; (12) *mettan* «jor, год» можно сравнить с литов. *mėtas, mėtai* «год», лтш. *mēts* «период времени».

(59) *wundan* «wasser, вода». Траутман [10, с. 453] упоминает форму *unds* из Третьего Катехизиса как им.п. муж.р. ед.ч. Известно также выражение *undas crixisna* «wassertaufen, крещение в воде», первую часть которого — *undas* — Траутман [10, с. 454] считает генитивом ед.ч. В Третьем Катехизисе известна также форма явного вин.п. муж.р. мн.ч. *undans*. Слово сопоставимо с лтш. *ūdens*, литов. *vanduiš* «вода», гот. *wato*, слав. *вода* и т.д. Если это слово относится к муж.р. в Третьем Катехизисе, то почему оно должно быть ср.р. в Эльбингском словаре?; (107) *rikisnan* «rucke, спина». Траутман [10, с. 415] полагает, что слово могло быть заимствовано из др.-польск., ср. др.-чеш. *řítezne* «ягодицы». Эндзелин [20, с. 239] колеблется между двумя решениями: считать ли эту форму вин.п. ед.ч. или же исправить ее на им.п. дв.ч. *rikisnay*; (118) *kraclan* «brust, грудь» сравнивается с др.-литов. *kreklas-* «грудь» [19, IV, с. 150]; (150) *spertlan* «szeballe, мягкая часть пальца ноги» следует исправить на *sperclan* и связать с литов. *spirti* «ударять», др.-в.-нем. *sporo* «стрекало» и т.д. [10, с. 354]; (155) *caulan* «beun, голень, кость» явно родственно литов. *kūlas*, лтш. *kaūls* «кость», видимо, и греч. *καυλός* «стебель растения», хотя Траутман [10, с. 354] рассматривает это слово в Эльбингском словаре как форму ср.р., он называет то же слово (*kaulan*) в Третьем Катехизисе аккузативом муж.р. ед.ч., ср. им.п. мн.ч. *kaulei*, вин.п. мн.ч. *kaūlins* и вин.п. ед.ч. *greiwakaulin* «ребро». Так что нет оснований считать указанное слово формой ср.р. в Эльбингском словаре; (194) *clenan* «kleet, склад». Траутман [10, с. 360] задается вопросом, можно ли читать это слово как *kletan*. Согласно Эндзелину [20, с. 195], если принять чтение *clenan*, то это слово следует считать контаминацией форм типа литов. *klėtis* тж., лтш. *klėts*, слав. *кльть* и аналогичного слова с суф. -но.

(288) *pannean* «moserbruch, мшистое болото» часто сравнивается с литов. *pania (būde)* «вид гриба» и лтш. *paņa, pane* «лужа» [23, с. 62, 371, 570]. Литовское и латышское родственные слова — жен.р.; (309) *slayan* «sletekuffe, санный полоз». Траутман [10, с. 431] пишет, что это — форма им.п. ср.р. ед.ч., а (307) *slayo* «slete, сани» — это форма им.п. мн.ч. ср.р. Нессельман [27, с. 169] отмечает, что *slayo* и *slayan* суть соответственно им. и вин.п. одного и того же слова, а Миккола [7, с. 8] присоединяется к этому мнению, тогда как Траутман [10, с. 215] подчеркивает, что различие в значениях слов не позволяет их объединить; (322) *spaustan* «molspille, мельничная ось, т.е. железный брус, который приводит верхний мельничный камень во вращение», вероятно, является производным от слова, родственного литов. *spāusti* «давить», греч. *σλεβω* «я тружусь, я озабочен» [10, с. 434]; (335) *melan* «meel, мука» сопоставимо с литов. *miltai* «мука», лтш. *milti* [10, с. 377]; (346) *baytan* «zeeb» переводится как «пирог, печенье», но, вероятно, должно быть сопоставлено с нем. *Sieb* «сито», согласно Марчанду [33, с. 113]; Мажюлис [16, с. 130] предлагает коррекцию **saytan* и связывает рассматриваемое слово с литов. *sietas*, лтш. *siēts* «связка» = слав. **seita* > польск. *sito* и т.д.; (370) *panustaclan* «vuereyssen, железный прут для высекания огня [?]». Второй элемент, очевидно, заимствован из какого-то германского языка, ср. др.-в.-нем. *stahal* [20, с. 219].

(376) *saltan* «спек, сало». Бурда [29, с. 368] связывает с русск. *сало*, польск. *sadło*. Пирсон [32, с. 364] связывает древнепрусское слово со словами, обозначающими соль, и отмечает, что прусские литовцы прежде чем коптить сало, солили его. Траутман [10, с. 417] связывает это слово с лтш. *salis, sals* «жирная свинина», *sals* «жир»; (384) *piwamaltan* «malcz, солод». Первый элемент *piwa-*, очевидно, тот же, что (383) *piwis*, изначально — основа на *-*o*. Траутман [10, с. 417] пишет, что второй элемент заимствован из др.-герм. *malta(n)*, подобно польск. *mloto*, чеш. *mláto* и т.д.; (424) *kalabian* «swert, меч» обычно сопоставляется с литов. *kalavijas* «меч» [19, III, с. 164—6]; (441) *balgan* «satel, седло» сопоставимо с литов. *balnas*. Литовские формы типа *balgna* засвидетельствованы, согласно Мажюлису [16, с. 130], только у Бреткунаса и могли быть заимствованы из древнепрусского; (446) *largasaytan* «sticledd, стремянной ремень». Траутман [10, с. 368—369] предполагает чтение **lingsaytan*, он сравнивает первый элемент с (447) *lingo* «stregerefe, стремя», а второй элемент — с литов. *saitas*, лтш. *saite* «связь»; (450) *brisgelan* «szom, узла». Бурда [29, с. 394] соотносит это со слав. *брьзда*. Мажюлис [16, с. 157] упоминает литов. *brizgilas* «узла». (455) *milan* «gewant, грубая ткань». Эндзелин [20, с. 210] упоминает литов. *milas* «грубая домотканая шерстяная ткань», лтш. *mils* и *mila*.

(498) *nognan* «Leder, кожа». Траутман [10, с. 386] предлагает праформу **nākno-* и сравнивает ее с греч. *vákη, váκος* «шерсть, руно», др.-англ. *naesc* «мягкая кожа»; (547) *piuclan* «sychel, серп» сопоставимо с литов. *piūklas* «пила» [23, с. 600]; (553) *twaxtan* «questa, банный веник» сравнивается Траутманом [10, с. 453] с гот. *þwahan*, др.-в.-нем. *dwahan* «мыть». Нессельман [28, с. 193] предполагает связь с литов. *ivóskinti* «сильно бить». Но в связи с тем, что начальное *i-* в этом слове скорее следует читать как *s-*, то слово можно транскрибировать как /kvakstan/ и рассматривать как заимствование из польск. *chwost* «хвост», но также (арханческое) «щетка; пучок, связка». Второе /k/ есть чисто балтийское явление, ср. литов. *auksas* «золото». Транскрипция /kvakstan/, с другой стороны, может поддержать гипотезу о заимствовании из нем. (*Bade-*)*quaste*; (586) *median* «walt, лес» сопоставимо с литов. *mėdis, mėdžias* «дерево, лес», вост.-литов. «лес», лтш. *mežs* [23, с. 424]; (603) *witwan* «wide, ива» обычно сопоставляется с лтш. *vītols* тж., литов. *vutis* «ветвь ивы», польск. *witwa* «вид ивы». Траутман [10, с. 464] рассматривал это слово как форму ср.р.; ту же возможность принимает и Топоров [19, с. 96—99], предполагая, что (605) *apewitwo* «struchwide, вид ивы, *Salix viminalis*» может быть формой им.п. мн.ч. ср.р. С другой стороны, он же рассматривает возможность того, что это — форма им.п. ед.ч. жен.р.; в таком случае *witwan* — форма вин.п. ед.ч. жен.р. Но Мажюлис [16, с. 87] пишет, что *witwan* — не форма жен.р. Ни в словаре Мажюлиса, ни в словаре Топорова это слово не разъяснено до конца; их концепция изложена под словом *apewitwo*. Миккола [7, с. 8] полагает, что *witwan* — аккузатив, и отмечает, что оно следует сразу за *apewitwo*.

(628) *garian* «bom, дерево». Мажюлис [16, с. 326] пишет о ближайших связях зап.-балт. **garian* с литов. *girià* («большой») лес» (= лтш. *džira* < вост.-балт. **giriā*), церк.-слав. *гора* (польск. *góra* < о.-слав. **gorā*). Ср. др.-инд. **gir-ī* (муж.р.) «гора» [19, II, с. 165]. Поскольку родственные слова в балтийском и славянском относятся к основе на **(i)ā*, вероятнее всего, что здесь — вин.п. жен.р. ед.ч.; (654) *paustocaican* «wiltp fert, дикая лошадь»: первая часть, *pausto-* «дикий», сопоставима со слав. *луст-*, а вторую часть *caican* Сабалюскас [12, с. 183] сравнил с литов. *kūika* «кобыла», лтш. *kūika* «скверная лошадь», литов. *kaikaras* «лентяй, ленивец»; (689) *enctan* «puttir, масло» Мажюлис [16, с. 80] рассматривает как форму им.-вин.п. ср.р. ед.ч. от зап.-балт. корня **ang-* «размазывать» с суф. *-ta-* (и.-е. **-to*), ср. лат. *unguen* «жир, масло», др.-нрл. *imb*, др.-в.-нем. *ancho* «масло» и т.д. Если эта этимология корректна, то нет необходимости предполагать здесь форму ср.р.; (695) *poada-munan* «suszemilch, сладкое молоко». Эндзелин [20, с. 139] сравнивает древне-

прусское слово с литов. *puotà* «пир, праздник». Но предполагает здесь суф. *-da-* и рассматривает его как форму презентного пассивного причастия. Кроме того, Эндзелин [20, с. 229] сравнивает с этим словом с точки зрения суффиксации литов. *šikamīne* «прямая кишка», лтш. *ařamine* «пахотная земля». Если это слово — прилагательное, как полагает Траутман [10, с. 401], и имеется в виду выражение **poadamynan dadan* «сладкое молоко», то можно допустить согласование прилагательного с существительным ср.р. Но, с другой стороны, можно допустить здесь грамматическое согласование по вин.п. ед.ч. муж.р.; (792) *swetan* «welt, мир, вселенная» рассматривается Эндзелином [20, с. 261] либо как форма ср.р. им.п., либо как форма муж.р. вин.п. Левин [15, с. 52] пишет: «Очень мала возможность выбора между двумя этими альтернативами». Слово встречается в Третьем Катехизисе в форме *switai*, которую Траутман [10, с. 444] определяет как им.п. ед.ч. жен.р., и в формах *switas, switas*, которые Траутман определяет как род.п. ед.ч. жен.р. Я думаю, что в дополнение к возможностям, указанным Эндзелином, рассматриваемое слово из Эльбингского словаря представляет собой также форму жен.р. вин.п. ед.ч. [9, с. 471].

Немногочисленные слова из Эльбингского словаря на *-en*, которые имеют значение для данной дискуссии, суть следующие: (115) *pirsten* «vinger, палец» сопоставимо с литов. *pirřtas*, лтш. *pirksts*, др.-русск. *пърстъ*, др.-инд. *prřstám* «выступающая вверх спина (животного); гребень; задняя часть». Слово *pirsten*, вероятно, следует читать как /pirsstan/; по-видимому, это — форма вин.п. муж.р. ед.ч.; постулирование муж.р. поддерживается славянскими родственными словами, которые ближе по значению, чем древнеиндийское слово. Ср. также встречающаяся в Третьем Катехизисе форму вин.п. мн.ч. муж.р. *preipirstans* «ginge, кольца»; (157) *welgan* «snuppe, насморк» Траутман [10, с. 459] сравнивал с церк.-слав. *влага*, литов. *vilgyti* «отсыревать», ср. также лтш. *val'gs* «сырость». Слово следует читать как /valgan/ и рассматривать как форму вин.п. ед.ч. муж. или жен.р.; (237) *samyen* «acker, поле»; Траутман [10, с. 418] рассматривает это слово как ср.р. ед.ч., но Миккола [7, с. 8] полагает, что это — просто форма вин.п. ед.ч. от (24) *same* «земля», сравнимого с литов. *žeme*, лтш. *zeme* «земля»; (395) *abstotten* «deckel, крышка», согласно Траутману [10, с. 295] следует читать **abstocle*, но Топоров [19, I, с. 55] читает **abstoclen* и предполагает здесь, как и Миккола [7, с. 8], форму вин.п. ед.ч. жен.р. от (354) *abstocle* «stürtze, крышка для кухонного горшка», тогда как Мажюлис [16, с. 47] возражает, полагая, что правильнее читать **abstoclen*, которое он выводит из **abstacten*, формы вин.п. ед.ч. основы на *-e* от **apsiactē*, производного от *apstaga-* «закрывать» + *-te*, ср. литов. *apdengti* «попона для лошади под седлом», *apklōtē* «покрышка»; (525) *wargien* «kupper, медь» сопоставимо с литов. *vārias*, лтш. *varř* тж. [23, с. 1190—1200] и, с моей точки зрения, должно было произноситься как /vafen/ или /vafan/ и представляло собой форму вин.п. ед.ч. муж.р.

Траутман [10, с. 218] пишет, что форма им.п. мн.ч. ср.р. в Эльбингском словаре (помезанский диалект) маркируется через *-o* < и.-е. *-ā*, так что с его точки зрения, (69) *austo* «mund, рот» = церк.-слав. *оуста*, русск. *уста*; (307) *slayo* «slete, сани» (слово дискутировалось выше), ср. литов. (им.п. мн.ч. жен.р.) *řlājos* «сани»; (100) *wanso* «irstebart, первый пух на щеках», ср. литов. (им.п. мн.ч. муж.р.) *ūsai* «усы»; (210) *warto* «thore, дверь, ворота» = литов. (им.п. муж.р. мн.ч.) *vartai*, церк.-слав. *врата*, русск. *ворота*. Траутман предполагает, что следующие слова могли быть ср.р.; (125) *lagno* «leber, ливер», обычно исправляемое на *iagno* и сопоставимое с литов. *řāknos* тж. (им.п. мн.ч. ж.р.); (481) *lagno* «hosen, штаны», рассматриваемое Бугой как диссимилиация им.п. дв.ч. **nag-nō* и выводимое из (145) *nage* «fuss, нога» [34, с. 52]; (692) *sutristio* «mulken, сыворотка» Траутман исправил на *suiristio* и предположил заимствование из протопольского; ср. церк.-слав. *сыршште* и серб.-хорв. *сиршште* «сычуг».

Вайан [35, с. 16] пишет, что в литовском предложении типа **varta at-si-vėrė* «дверь открылась» невозможно определить, являлось ли *varta* формой жен.р. ед.ч. или формой ср.р. мн.ч., и принимал ли средний род вид обобщенного ед.ч. жен. рода на *-ā*. Были возможны два способа нормализации: либо форма жен.р. ед.ч., как в др.-прусс. (210) *warto* «дверь, ворота» с вин.п. (только в Третьем Катехизисе) *wartin*, либо форма муж.р. мн.ч., как литов. *vaftai* после дат.п. *vaftams*. Далее Вайан рассматривает др.-прусс. *mensā* «fleisch, мясо» как форму жен.р., происходящую из формы им.п. мн.ч. ср.р., ср. слав. *maso*. Параллель этому Вайан видит в элиминации ср.р. в романских языках, ср. лат. *folium* «лист» (ср.р.), мн.ч. *folia*, отразившееся в современном франц. *feuille* «лист».

Согласно мнению Буги, (481) *lagno* «hosen, штаны» представляет форму им.п. дв.ч.; то же можно предположить и относительно (210) *warto* «дверь, ворота», а также (89) *austo* «mund, рот»: это, по-видимому, формы им.п. дв.ч., у обоих слов значение для этого вполне подходит. Впрочем, (89) *austo* «mund, рот» может быть формой им.п. ед.ч. жен.р., так как форма *āustin* из Третьего Катехизиса рассматривается как форма вин.п. ед.ч. ж.р. Как отмечалось выше, Траутман [10, с. 431] писал, что (309) *slayan* «sletekuffe, санный полоз» есть форма им.п. мн.ч. ср.р. от формы (307) им.п. мн.ч. *slayo* «slete, сани». Однако *slayo* вполне можно понимать как форму им.п. дв.ч. муж.р., обозначающую два полоза. Вдобавок Эндзелин [20, с. 271] считает, что (100) *wanso* «irsterbart, первый пух» можно рассматривать как форму дв.ч. Это представляется мне вероятным, так как Брюкнер [27, с. 495] был прав в своем предположении о заимствовании этого слова из польск. *wąs* «усы»; в этом случае окончание *-o* может указывать на форму им.п. ед.ч. жен.р.

В заключение подчеркну, что свидетельства о наличии в древнепрусском формы им.-вин.п. ср.р. основ на *-o*, которые оканчиваются на *-an*, весьма шатки. За исключением нескольких случаев, когда имена ср.р. могут рассматриваться как принадлежащие к основам на *-n*, как (438) *maldian* «vole, жеребенок», или когда окончание *-an* отражает вин.п. основ муж.р. на *-o* или жен.р. на *-ā*, др.-прусс. окончание *-an* неадекватно и.е. окончанию им.-вин.п. ср.р. **-om* (засвидетельствованному в лат. *iugum*, греч. ζύγον, др.-инд. *yugam* «ярмо»). Подлинное окончание форм им.-вин.п. ср.р. основ на *-o* отражено в др.-прусс. *-a* (см. примеры *wissa*, *sta*, рассмотренные выше). Это окончание *-a* хорошо отражено в балт. и слав., ср. упомянутые выше литов. *šalta*, *kāršta*, русск. *холодн-о*, *жарк-о*. Следует отметить, что в германском нет оснований для восстановления флексии им.-вин.п. ср.р. **-om*, ср. гот. *juk* «ярмо». Эта рассмотренная здесь черта может являться изоглоссой, общей для балтийского, славянского и германского. Включает ли она в себя другие языки, как тохарский, где нет формальных признаков ср.р. (36, с. 75), или армянский, где вообще нет категорий рода, — вопрос остается открытым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Ч. 1—2. Тбилиси, 1984.
2. Mažiulis V. Baltų ir kitų indoeuropiečių kalbų santykiai (Deklinacija). Vilnius, 1970.
3. Hirt H. Zu den slavischen Auslautgesetzen // IF. 1893. Bd 2. S. 348—349.
4. Илич-Светиц В.М. Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентуационных парадигм. М., 1963.
5. Stang Chr. Slavonic accentuation. Oslo, 1957.
6. Murata I. The *o*-stem Nom.-Acc. Sg. form and the fate of neuter nouns in East Baltic // JIES, 1986. V. 14.
7. Mikkola J.J. Baltisches und Slavisches. 1: Gab es im Preussischen Neutra? // Öfversigt af Finska Vetenskaps-Societetens Förhandlingar. 1903. XLV.
8. Thomsen V. Beröringen mellem de finske og de baltiske (litauisk-lettske) Spørg. København, 1891.
9. Ein deutsch-preussisches Vocabularium aus dem Anfange des 15 Jahrhunderts / Nach einer Elbinger Handschrift hrsg. von Nesselmann G.H.F. // Altpreussische Monatschrift. 1868. Neue Folge. 5.
10. Trautmann R. Die altpreussische Sprachdenkmäler. Göttingen, 1910.

11. *Shopay O.C.* Old Prussian adverbs in *-n* // *Baltic linguistics* / Ed. by *Magner T.F.*, *Schmalstieg W.R.* University Park; London, 1989.
12. *Kaslauskas J.* Lietuvių kalbos istorine grammatika. Vilnius, 1968.
13. *Nesselmann G.H.F.* Die Sprache der alten Preussen an ihren Ueberresten erläutert. B., 1845.
14. *Sabaltauskas A.* Mes Baltai. Vilnius, 1986.
15. *Levin J.* The Slavic element of the Old Prussian Elbing vocabulary. Berkeley; Los Angeles; London, 1974.
16. *Mažiulis V.* Prūsų kalbos etimologijos žodynas. I: *A—H.* Vilnius, 1988.
17. *Berneker E.* Die preussische Sprache. Strassburg, 1896.
18. *Būga K.* Kalba ir senovė. Kaunas, 1922.
19. *Топоро В.Н.* Прусский язык. Т. 1: *A—D.* М., 1975; Т. 2: *E—H.* М., 1979; Т. 3: *I—K.* М., 1980; Т. 4: *K—L.* М., 1984.
20. *Endzelins J.* Senprūšu valoda. Riga, 1943.
21. *Miliwski T.* Stosunki językowe polsko-pruskie // *Slavia Occidentalis.* 1947. 18.
22. *Vasmer M.* Russisches etymologisches Wörterbuch. I—IV. Heidelberg, 1953.
23. *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. I—II. Heidelberg; Göttingen, 1962—1965.
24. *Mažiulis V.* Prūsų paminklai II. Vilnius, 1981.
25. *Leskien A.* Die Bildung der Nomina im Litauischen. Leipzig, 1891.
26. *Skardžius P.* Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943.
27. *Brückner A.* Preussisch und Polnisch // *AfslPh.* 1898. Bd 20.
28. *Nesselmann G.H.F.* Thesaurus linguae prussicae. B., 1873.
29. *Burda W.* Zum deutsch-preussischen Vokabular von Nesselmann // *KZ.* 1870. Bd 6.
30. *Schmidt J.* // *Jenaer Literaturzeitung.* 1873, № 33. Rec.: *Nesselmann G.H.F.* Thesaurus linguae prussicae.
31. *Szemerényi O.* Greek γάλα and the Indo-European term of «milk»: With an excursus on Avestan xšvid- // *KZ.* 1958. Bd 75.
32. *Pierson W.* Litauische Aequivalente für altpreussische Wörter // *Altpreussische Monatsschrift.* 1870. 7.
33. *Marchand J.* Some remarks on the German side of the Elbing vocabulary // *Baltic Linguistics* / Ed. *Magner T.F.*, *Schmalstieg W.R.* University Park; London, 1989.
34. *Būga K.* Aistiški studijai: I-oji dalis. СПб., 1908.
35. *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. V. II. P., 1958. P. 1.
36. *Krause W.*, *Thomas W.* Tocharisches Elementarbuch. Bd 1: Grammatik. Heidelberg, 1960.

Перевели с английского

Красухин К.Г., *Маковский М.М.*